

П.Барчук, П.Ларин

НЕЛЕГАЛ

Игры Разума (Барчук, Ларин)

Павел Барчук

Нелегал

«Автор»

2024

Барчук П.

Нелегал / П. Барчук — «Автор», 2024 — (Игры Разума (Барчук, Ларин))

Я был успешным адвокатом. Ни одного проигранного дела. Связи, деньги, успех. Но Судьба закинула меня в 1972 год, в тело сотрудника особого отдела. Теперь нет ничего. Кроме секретных разработок, пропавшего инженера, парочки убийств, исчезнувших чертежей и странной девицы с мутным прошлым. А еще... Мне кажется, я не совсем тот, за кого меня принимают.

Содержание

Глава 1. В которой наступает новое утро, но оно совсем не доброе	5
Глава 2. В которой Комарова верит в меня и не знает, что нельзя верить мне	10
Глава 3. В которой появляются исторические личности, а у меня развивается невроз	15
Глава 4. В которой я планирую играть роль перед актрисой	20
Глава 5. В которой Нина Ивановна нуждается в моей помощи и не знает, что я нуждаюсь в помощи сам...	25
Глава 6. В которой мы с Лиличкой играем в игру	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павел Барчук, Павел Ларин

Нелегал

Глава 1. В которой наступает новое утро, но оно совсем не доброе

– Макс, все складывается более, чем удачно. Просто отлично складывается. Парень – твой ровесник. Думаю, настолько идеального момента потом может не быть. Надо действовать сейчас. Теперь слушай внимательно. Более подробную инструкцию получишь позже. Пока – общая информация. Зовут его Максим. Макс... как и тебя. Это знак свыше и огромный плюс. Легче пройдет внедрение именно в твоём сознании. Не иначе, судьба благоволит. Вместе с матерью Максим попал в один из концентрационных лагерей. Польша. Туда их отправили. Спасла его женщина, работавшая на офицерской кухне. Из местных, полька. Мальчик сильно напоминал ей сына, которого она потеряла. Вывезла с территории лагеря в прогнивших остатках мусора и еды. Контейнер не проверяли. Его просто расстреливали. Женщине пришлось сильно постараться, чтоб пацан от такой проверки остался жив. Парню на тот момент было семь лет. Случилось все незадолго до окончания войны, в 1944. Польку звали Ханна. Возраст на момент смерти сорок восемь лет. Скончалась год назад уже здесь, в Чикаго. Родом она из Варшавы. Замужем не была. Единственного сына родила от связи с женатым офицером. Мальчик умер в четыре года. Именно этого мальчика, сына, напоминал ей Максим. Когда вывезла его из лагеря, чтоб скрыть факт появления ребенка, бежала с ним в далекое, богом забытое село. Могли донести соседи или кто-то еще. Там, в селе, они отсиделись до окончания войны. Из Польши уехали в Соединённые Штаты через четыре года после поражения Германии. Ханна все время работала уборщицей. Деньги тратила на еду, одежду и учебу приемного сына. Документально все оформила уже здесь. Старалась, чтоб он нормально жил. Максим о своем детстве помнил мало. О Родине тоже. Но были некоторые воспоминания, их обязательно прочтешь и выучишь до мельчайших деталей. Они важны. Тебя будут проверять. Обязательно. Несмотря на возраст. Эти воспоминания – своего рода подтверждение правдивости истории. Там имеются факты, которые мог знать только человек, действительно родившийся и живший несколько лет в Советском Союзе. Придумать их или сочинить невозможно. Плюс воспоминание о немецком лагере. Тоже немаловажно. Ханна умерла год назад. Тебя забрали в приют. Там ты провел ровно двенадцать месяцев. Сбежал, чтоб попасть в Советский Союз. Приемной матери больше нет, в приюте находиться тяжело. Можно попытаться вернуться на Родину. Посол, Георгий Николаевич Зарубин, через три дня будет в этом городе. Выберешь момент и бросишься к нему. Хоть под ноги, хоть в ноги, все равно. Хоть под колеса автомобиля. Так даже лучше. Небольшое сотрясение было бы в тему. Главное, он должен тебя увидеть и заметить. Измученный, оголодавший пацан в любом случае привлечет его внимание. А ты будешь измученный и оголодавший после побега из приюта. Свои настоящие данные Максим помнил всегда. Приемная мать от него правды не скрывала. Но всячески убеждала, что обратно, на Родину ему нельзя. Никто не поверит в такую историю и его обязательно снова отправят в лагерь. А это – самый страшный ужас. Главное, что ты должен помнить всегда, даже наедине с собой. Теперь есть только Максим Беляев. Все. Другого человека не существует. Другого прошлого не существует. Кроме того, которое сегодня ты выучишь до последней буквы. Запомни это, как первую молитву. Мысленно даже никогда не называй себя именем, полученным при рождении. Ты умер. Тебя больше нет. Твоя легенда идеальна. Даже тот акцент, который имеется, только подтвердит, что ты из Восточной Европы. Отсутствие полноценных вос-

поминаний тоже укладывается в картинку. Любая проверка не покажет ничего, кроме правды. Ты – Максим Сергеевич Беляев, 1937 года рождения, чудом оставшийся живых. Вопросы?

Мужчина, который сидел напротив меня, почему-то вызывал ассоциации с крысой. Серьезно. Этаким здоровый, ростом с человека, грызун. Вытянутый, острый нос, желтушное лицо и редкие прилизанные волосы. Самое хреновое, я точно знал его имя. Джонатан. Просто Джонатан, без фамилии. Так он представился с самого начала. А проявлять любопытство там, где этого точно делать не стоит, нас отучили давно. Нас, это детей, которые жили в приюте святой Елены. Какое трогательное название...

Я прекрасно понимал, что он говорит. Хотя, это однозначно был не русский язык. Во сне сложно определить точнее. А все происходит во сне. Это я тоже в данный момент осознавал. Язык – может, английский. Хотя, учитывая, что речь шла о Штатах, Джонатан, скорее всего – американец. Это более вероятно. Таких деталей пока не помню. Имя его знаю. Место знаю, где мы находимся. Немного есть понимания, кто я такой. В реальности. По-настоящему. Все. Больше ничего.

– Нет вопросов, сэр. Готов выполнить свой долг.

Голос принадлежал мне. Однозначно, говорю я. Смотрю на крысopodobного мужика, тоже я. Вернее, Максим Сергеевич смотрит. Хотя... Какой же он, на хрен, Максим Сергеевич? Максимилиан Лебовски. Имя это ударило в мозг противным звуком. Так бывает, если рядом кто-то водит по стеклу острым предметом. Аж мурашки по коже побежали. Даже во сне. Вообще, странно, конечно. Понимаю, что сплю, но при этом, знаю, насколько все реально. Смотрю своими глазами, но будто со стороны.

– Запомни, ты не просто шпион, Макс. Не просто агент. Ты – секретное, мощное оружие, которое ждет своего часа. Не знаю, сколько. Трудно предугадать. Может, два года. Может, пять. Может, десять. Таких, как ты, мы включаем в работу только в случае действительно важных событий. В этом и есть ваше назначение. Никто не способен внедриться глубже нелегала. Никто. Ни один агент. Потому что нелегал, он не просто одевает маску. Он полностью уничтожает себя ради будущих целей. Становится совсем другим человеком. Тем, кто сыграет главную скрипку в нужное время. Ты должен влиться в новую жизнь. Это будет именно твоя жизнь. Максима Беляева. Должен стать лучшим из лучших в этой новой жизни. Твое желание бороться с врагами Советского Союза вполне понятно. Такая тяжелая судьба. Никого из близких не осталось. Родная мать пропала в немецком лагере. Отец – погиб. Информация проверена и однозначно ошибки быть не может. Тебе сейчас семнадцать. Достаточно времени, чтоб прийти к конечной цели. А цель одна. При такой легенде есть все шансы поступить на службу, связанную с государственной безопасностью. Нас интересует именно это. Понял? До момента «распаковки» с тобой никто не будет иметь связи. Вообще никто. С агентами, подобными тебе, работаю только я. Соответственно, знать о тебе буду только я. Когда придет время, связной найдет тебя сам. Твоя главная задача, первоочередная – жить. И делать карьеру. Тем более, в Советском Союзе радикально поменялся курс. Нам это на руку. Всю информацию получишь через час. Выучить нужно так, чтоб даже во сне мог ответить на любой вопрос. Тебя готовили, ты справишься. Три года был самым прилежным учеником. Теперь пришло время доказать, что Соединённые Штаты незря тратили на тебя время, силы и деньги. Сынок...

Джонатан помолчал, а потом встал со стула, подошел ко мне совсем близко и положил руку на плечо. Я снова видел все своими глазами, но в то же время, будто со стороны. Мы с Джонатаном находились в комнате без окон. Серое и унылое помещение, похожее на камеру. Я знал, это – приют. Тот самый, куда Максимилиан Лебовски попал, на самом деле, давно. Сразу после смерти родителей, которые были эмигрантами. Они умерли около десяти лет назад. Родных не имелось и меня забрали люди в форме. Что-то типа органов опеки. Мы все здесь были сиротами.

– Макс... Точно нет вопросов? – Джонатан руку с плеча не убирал, тем самым пытаюсь внушить мне ощущение поддержки.

Мол, пацан, не ссы, ты не один. Я моментально почувствовал эмоции восторга. И они явно были не мои. Но однозначно принадлежали Максимилиану. В то время еще не Максиму Сергеевичу. Этот придурок реально был счастлив потратить свою на хрен никому не нужную жизнь на благо Америки. Дебил... Он искренне хотел служить Штатам. Однако, параллельно с этим восторгом, имелось сильное раздражение. Просто раздвоение личности какое-то. Раздражение тоже было не мое. Вот его, как раз, испытывал уже Максим Сергеевич. Я смотрел на всю ситуацию будто через двойную призму. Первый слой – пацан, которого явно готовили сдохнуть во имя новой Родины. Второй – Беляев, который уже прожил некоторое время в Союзе. Крыша съедет такими темпами точно.

– Что в легенде является правдой? – Спросил вдруг я.

– Все. Все является правдой. – Джонатан своим видом демонстрировал заботу и переживание за воспитанника. На нерв давит, сука. Этакий добрый папочка, провожающий сына во взрослую жизнь. – Ханна действительно спасла этого мальчика. Они действительно жили последние годы в Штатах. Умерла она, на самом деле, год назад.

– А этот Беляев? – Я ощущал любопытство. Никаких сомнений. Чисто интерес от нечего делать.

– Он умер вчера. Несчастный случай. Выпал из окна своего приюта. Так бывает. Его смерть – шанс, которым мы должны воспользоваться...

Голос Джонатана вдруг резко исчез. Комната тоже исчезла. Все куда-то провалилось в темноту. Я открыл глаза. Сон... Да конечно! Ни хрена это не сон. Это – долбанные воспоминания долбаного Максима Сергеевича. Который, оказывается, даже не Максим Сергеевич. Честно говоря, имелось желание орать, материться и что-нибудь разбить. Жаль, что не поможет.

Спину ужасно ломило, шея затекла. Ко всему прочему, организм намекал, пора облегчиться. Хотя нет. Гораздо сильнее хотелось послать все к черту. И еще день назад такое развитие событий можно было бы даже допустить. Послать все к черту, а потом уйти со службы. Сложно, но все равно реально. Еще день назад я даже приблизительно не понимал, в какой жопе оказался. Вернее, думал, что в жопе. Но нет. Ни хрена. Жопа наступила только сейчас. До этого была легкая прелюдия.

Я повернул голову в сторону кровати. Пусто. Постель аккуратно заправлена. Золушка убежала, даже не оставила туфельку. И вот думай теперь, что за блажь ей в голову пришла. Надеюсь, не из-за Филатовой. Комарова сама все слышала.

– Да твою ж мать... – Потянулся и медленно встал с кресла. Спать в положении сидя, не очень удобно.

Мой ночной разговор с Лиличкой закончился нечем. После того, что она заявила, а вернее, прошептала в ухо, я просто тупо развернулся и ушел. Нет, сначала выматерился, а потом ушел. Сказать в ответ было нечего. Приличных слов не нашлось. Да и охренел, если честно. Что угодно ожидал. Реально. Что угодно. Но такого...

Актриска даже не окликнула, кстати. Я чувствовал, она стоит и смотрит мне вслед. Думаю, приняла мое состояние за переживания по поводу Комаровой. Блондинка, похоже, решила, что я совершил ужасное преступление. Оступился. Утратил профессионализм. Не знаю, как еще назвать. Короче, увлекся Александрой Сергеевной, гад такой. А мы же, млять, агенты. Джеймс Бонды херовы. Нам увлекаться нельзя.

Сначала, пока поднимался по лестнице, думал, бред. Не может просто такого быть. Соврала блондинка. Чисто на зло мне устроила всю эту клоунаду. Какие, к чёртовой матери, агенты? Это же вообще какая-то ерунда выходит. Но тут же сам собой напрашивался поганый вывод. Хрена там! Ума не хватило бы на подобную ложь. Это – первое. А второе – Лиличка

вела себя так, что в правдивость ее слов верилось независимо от желания. Вот как раз в данном случае она ни капли не играла.

Когда вошел в номер, первым делом заметил Комарову. Александра лежала на кровати, свернувшись калачиком. Спала. Видимо, выбралась из шкафа, как только мы с Филатовой отправились вниз. Будить ее не стал. Мало того, Саша устала, сам без ног, если честно, так еще мне надо было хорошо подумать. Проанализировать. Голова просто готова взорваться от мыслей. Казалось, еще чуть-чуть и ее раскидает ошметками по номеру.

Я сел в кресло, откинулся на спинку. В башке медленно прокручивались события из жизни Беляева, которые успел вспомнить. И те моменты, которые уже произошли лично со мной. Хреновая выходила картина. Для начала, взять хотя бы тот случай, когда Максим Сергеевич беседовал с Ершовым. Я помню, что во время рассказа об отце Беляев не почувствовал ничего. Вообще ничего. Еще тогда удивился, что за человек этот Максим Сергеевич. Ему про героическую смерть родителя повествуют, а он – ноль эмоций. Странно ведь. А теперь-то да. Теперь понятно. С хера ему что-то чувствовать к чужому человеку. Потому что, если верить сказанному Лиличкой, мы с ней напару – совсем не те люди, которыми выглядим. И жизнь это не наша. Теоретически, получается я и есть тот самый нелегал, которых так страстно желает любая разведка. Только с другой стороны. Так, что ли?

Херня какая-то, честное слово. Сначала – особист. Ладно. Черт с ним. Даже порадовался, что нормально можно устроиться, если с умом подойти. Потом оказалось, это лишь прикрытие. А на самом деле, Максим Сергеевич – сотрудник Комитета. Радости мало, прямо скажем. Но смирился. В большей мере из-за Комаровой. А теперь что? Вообще мандец? Шпион. Сука... Я – шпион. А, нет. Агент. Нелегальный агент.

Снова посмотрел на спящую Александру Сергеевну. Она тихо посапывала, завернувшись в покрывало. В итоге, пока размышлял о произошедшем, сам заснул. Прямо в кресле. А теперь, проснувшись, имею головную боль, ломоту в конечностях, сбежавшую женщину и правду, от которой на стену лезть хочется. Еще сон этот...

Посмотрел на часы. Время – начало восьмого. Интересно, когда Александра Сергеевна успела смыться? А главное, почему? Все же хорошо было. По крайней мере, у нас с ней. Правда, ни хрена не понятно, как будет дальше. Вообще пока не представляю, что делать. Просто... Черт. Ну, я, типа, патриот. Никогда, конечно, вопрос не вставал такой. Однако, судя по тем эмоциям, которые испытываю в данную секунду, точно патриот. Не хочу быть агентом. Вообще никаким. Ни официальным, ни глубоко законспирированным.

Поднялся на ноги, а затем подошел к кровати. Внимание привлекла какая-то фигня, которую издалека не смог опознать. На подушке лежал клочок бумаги. На нем ровным почерком отличницы было написано сообщение для меня.

«Надо успеть собраться на работу. Будить не стала, крепко спал. Увидимся в рабочее время».

Взял эту бумажку в руку, а затем опустил на кровать. Аж дурно стало, отвечаю. Я именно сейчас осознал, могу потерять все. Вообще все. И наверное, точно потеряю.

Если после разговора с Лиличкой еще присутствовала крохотная, микроскопическая надежда, что она просто специально все наврала, мне назло, то теперь надежды не осталось вообще. То, что приснилось... Я знаю, это происходило на самом деле. Джонатан. Да... Помню его. Он был инструктором, который готовил нас для специальной работы. Помню, что мои настоящие родители погибли. Помню, как меня, а точнее Макса, выбрали из ребят, живших в приюте. Отличные показатели, хорошая физическая подготовка, специальные тесты, которые были пройдены на сто баллов. Плюс, моя семья перебралась из Восточной Европы. То есть, по – американски я говорил все равно с акцентом. И любой специалист прекрасно определит, что именно за акцент. Больше пока ничего не знаю. Опять долбаная память подкинула мне крохотный кусочек. На, Максимка, жри. Смотри, не подавись.

Смял листок с посланием Комаровой и бросил его в угол комнаты. Вот точно так же скоро случится со мной. А точнее, с моей новообретенной жизнью.

– Хрен вам всем! – Сказал я в воздух.

Потом встал с кровати и начал собираться. Хватит сиски мять. Надо что-то делать. Надо вытаскивать себя из этой жопы, пока кто-нибудь очень шустрый не перекрыл мне единственный выход.

Глава 2. В которой Комарова верит в меня и не знает, что нельзя верить мне

Вроде бы ничего не изменилось. Ничего не произошло грандиозного. Город тот же. Работа та же. Дома, деревья, прохожие. Люди окружают те же. А с другой стороны – изменилось все.

Саша подошла к проходной, улыбаясь своим мыслям. Погода была отличная. Такая же, как и ее настроение. Даже неудобно немного. После признаний Филатовой особенно. У них тут убийства, Нина Ивановна, с, очевидно, серьезными проблемами, а Саше так хорошо, что хочется петь или танцевать.

Комарова слышала все, что Филатова рассказала Максиму Сергеевичу. Прекрасно слышала. Каждое слово. И с Беляевым была согласна. Полная, абсолютная чушь эта история с признаниями в убийстве. Саше, на самом деле, больших усилий стоило усидеть в шкафу. Она хотела выбраться из своего укрытия, чтоб задать несколько вопросов Ниночке. Естественно, не сделала этого только по причине двусмысленности подобного появления. Сложно было бы объяснить и свой вид, и свое пребывание в номере Беляева ночью.

Для начала, у Льва Ивановича никогда не было серьезных проблем с женой, которые могли бы закончиться грандиозным скандалом. Глядя на их пару, Саша всегда поражалась тому, как удивительно они ладят. Анна Степановна понимала мужа с полуслова. Даже с полувзгляда. Она искренне считала его гением и старалась вообще не отягощать домашними заботами. Лева должен быть всегда сыт, доволен и спокоен. Вот такая позиция была у его жены.

Маслов, в ответ, супругу просто боготворил. Но даже если представить, что по какой-то причине у них произошла ссора, совершенно непонятно, почему Лев Иванович обратился за помощью к Ведерникову. Нет, он действительно благоволил парню и считал его талантливым специалистом. Пророчил Игорю хорошее будущее. Но личные вопросы... Маслов скорее бы подошел к Саше. Что уже случалось. Один раз она уже помогла Льву Ивановичу.

Вообще, когда Комарова поселилась в этом городе, она сомневалась, как лучше ей поступить. Об инженере знала со слов деда. Тот предупредил ее, Лев Иванович сотрудничает с Комитетом. Поэтому с ним Саше лучше не пересекаться. Но этот город стоял в списке возможных мест жительства, как ни странно, из-за женщины. Из-за супруги Маслова. Вот такая вот ирония.

В свое время, Виктор Николаевич помог ей избежать совершенно незаслуженного наказания. Анна Степановна к Авиационному делу не имела никакого отношения, кроме родственных связей с женой одного из главных фигурантов. Пожалуй, тогда еще, очень ни к месту, всплыла биография ее отца-белогвардейца. Взамен супруга Маслова, преисполненная благодарности, пообещала Ершову обязательно, непременно отдать долг, если так сложатся обстоятельства.

О том, что ее мужа «завербовали», она не знала. А Лев Иванович не знал о тех обещаниях, которые его жена дала чекисту, устроившему им спокойное будущее. По сути, Виктор Николаевич в определенном роде использовал их обоих. И это была, наверное, единственная тайна, которую они скрывали друг от друга. Насколько такое положение вещей этически неправильное, рассуждать можно сколько угодно. И ясное дело, Ершов вовсе не фея-крестная из сказки, которая по доброте душевной устроила семейству Масловых их «жили долго и счастливо». Конечно, он преследовал свои интересы. Однако Саша деда не могла осуждать. Она вообще его ни за что не могла осуждать. Как сложилось, так сложилось.

Маслов стал негласным доносчиком Комитета. Он сообщал обо всем, что казалось ему подозрительным. Сначала это был одно из уральских предприятий, а потом – авиацион-

ный завод, где прошли его последние годы. Курировали Льва Ивановича другие сотрудники. По причине того, что случилось с самим Ершовым. А супруга инженера, независимо ни от чего, оставалась человеком, который считал себя обязанным лично Ершову. Именно поэтому дед указал это место в маршруте возможного передвижения Саши.

Город большой. Потеряться легко. На крайний случай, если что-то пойдет не так и понадобится помощь, Анна Степановна обязательно отдаст долг. Она из категории тех людей, которые свое слово держат. Но при этом, нужно быть аккуратной и никаких семейных знакомств не устраивать. Если Лев Иванович поймет, что в их окружении появился человек, даже отдаленно связанный с Ершовым, он обязательно донесет об этом своим руководителям. Тем более, о судьбе, постигшей Виктора Николаевича, Масловы, естественно, знали. Для них это тоже сыграло немаловажную роль.

Но после двух предыдущих попыток начать новую жизнь, особенно после случая с ночным гостем, Саша села и хорошо подумала. Основательно подумала. Все равно долго это продолжаться не может. Нереально вот так, до конца дней своих, скитаться по стране, меняя фамилии и биографии. По большому счету, дед лишь придумал, как выиграть время. Он однозначно рассчитывал именно на это. Тянуть до последнего, в надежде, что ситуация в стране поменяется. Либо, поменяется ситуация в самом Комитете. Саша подозревала, Виктору Николаевичу было известно многое из того, что и предположить боязно. По крайней мере, когда однажды у них зашел разговор о смерти Иосифа Виссарионовича, дед сказал странную фразу. Мол, страна у них такая, приходит момент, когда все важные становятся лишними. А незаменимых, как говорил сам вождь, нет.

Саша пыталась расспросить подробнее, но в ответ получила от деда суровый взгляд и совет унять свое бабское любопытство. Он вообще часто упоминал пол внучки. Будто, это ее вина, что она родилась девочкой. Отношение деда, конечно, обижало. И только спустя много лет, Комарова поняла, почему он вел себя именно так. Просто будь она парнем, ситуацию выглядела бы иначе.

Когда перед Сашей встал вопрос, как быть дальше, сыграл роль еще один момент. Очевидно, на внучку Ершова охотится не только Комитет. Можно было бы решить, что это вражеские спецслужбы, но непонятно, почему они пытались ее именно ликвидировать. Тогда у Саши ещё не появилась версия, что события могут быть спровоцированы тем, кто вообще хотел бы список похоронить.

К такому выводу она пришла недавно. Опять же, путём бесконечных размышлений и попыток проанализировать цели всех сторон. Саша упорно вспоминала последний год перед смертью деда. Он знал или чувствовал новую опасность. Наверняка. Потому что стал нервным, не спал ночами. Скорее всего, было что-то, сильно волновавшее его. Возможно, дед просто не успел предупредить Сашу. Видимо, хотел сначала разобраться сам. Но просто-напросто не успел.

В общем, Саша решила, надо попробовать договориться с Комитетом. Как бы смешно это не звучало, если кто-то и сможет ее защитить, только они. Поэтому она сделала то, что делать ей дед, как раз, запрещал. Разыскала Маслова и сообщила ему, кем является. Сказала правду. Ну, или почти правду. Что сбежала после смерти деда, так как его убили. Убили, скорее всего, не свои. Скорее всего, это сделали враги.

О том, что дед все подготовил для побега, что ждал этого момента, естественно, Саша даже не заикалась. Подобная информация Маслову ни к чему. Потом попросила у инженера помощи в трудоустройстве. Сказала Льву Ивановичу, будто на самом деле, все годы после своего исчезновения, провела здесь, в этом городе. Училась, готовилась стать хорошим специалистом. А биография, да. Тут помогли. Самое интересное, Лев Иванович Сашу особо не расспрашивал. Видимо, несмотря на свои контакты с чекистами, сливать внучку Ершова ему все равно

было совестно. Поэтому предпочел знать, как можно меньше, чтоб как можно меньше о ней рассказать, когда спросят.

После предварительной подготовки почвы, подсказки чекистам, где ее «найти» и устройства на работу, Саша принялась ждать. Маслов не мог в этом плане подвести. Скрывать появление Ершовой он бы точно не стал. Рискованно. Если присутствие внучки Виктора Николаевича откроется другим способом, через другой источник, а такое тоже вполне возможно, то ко Льву Ивановичу у Комитета будут вопросы.

Ну, а потом Маслов подошел к Саше и сказал ей о Беляеве. Мол, подозрительный какой-то товарищ. Ездит и ездит. Вынюхивает что-то. Лев Иванович преподнес это, как свои собственные страхи, но Саша все поняла прекрасно. На самом деле, он ее, вроде как, предупредил. Видимо, совесть не давала покоя инженеру. Он очевидно переживал, что ему пришлось рассказать о девушке кому-то из своих кураторов. Скорее всего, куратором и был Беляев.

А потом, прямо перед самым новым годом, произошел тот случай. Когда инженеру понадобилась Сашина помощь. Вернее, он ни о чем не просил. Просто поделился. Наверное, решил, что о таких вещах может поговорить только с ней. Лев Иванович заподозрил, будто супруга завела роман на стороне. Саша сначала, не удержавшись, рассмеялась. Это казалось совершенно невозможным и недопустимым. Однако, Маслов был настроен решительно. Он уверял, жена точно от него что-то скрывает. Бедняга сильно переживал из-за этого, и Саша решила ему помочь.

Взяла больничный по причине резко обострившейся мигрени, приступы которой она вполне знала, как описать, и почти неделю наблюдала за Анной Степановной. Даже сделала несколько снимков на старенький фотоаппарат, который приобрела для себя несколько лет назад. Маслова действительно уходила из дома, но ни с кем не встречалась. Просто сидела в парке. Саша решила, скорее всего, Анне Степановне тоскливо из-за того, что муж сейчас особо занят. Работа над специальным проектом шла полным ходом. Пленку девушка отдала Маслову и отругала его. За то, что придумывает глупости, не доверяя жене.

Именно поэтому, Комарова была уверена, случись у Льва Ивановича серьезный скандал с женой, он рассказал бы в первую очередь об этом ей. Но уж точно не Ведерникову.

Ну, и конечно, Нина Ивановна чисто физически не смогла бы нанести столь точный удар в сердце. Даже если допустить, что действовала она в состоянии аффекта. Да, бывает, в такие моменты сила человека увеличивается многократно. Однако, опыт рукопашного боя не появится никак. А если начать копать дальше, то подобных нестыковок появится еще больше.

Соответственно, как и Максим Сергеевич, Саша была уверена, Ниночка либо кого-то выгораживает, причем, ценой своей свободы, либо действительно хочет спрятаться так, чтоб до нее не смогли добраться. В любом случае проблема имеется, это несомненно. И ее надо решить.

А Саша идет, веселится, как дурочка, радуясь непонятно чему. Но ощущение бестолкового, глупого счастья, которое распирало ее изнутри, девушка никуда деть не могла. Оно, это ощущение, лезло из нее во все стороны. Будто Саша не обычный человек, а заморская рыба-еж. Счастье топорщило свои иглы, пробиваясь сквозь привычную маску безразличия.

Дело всего лишь в Максиме Сергеевиче. Вернее, в том, что между ними произошло. Вообще, если бы Саша знала раньше, как здорово чувствовать себя нужной, необходимой, то давным-давно явилась бы к Беляеву в номер. Столько времени потратили на ругань. Зря...

Единственное, что беспокоило, это некоторые тайны, остававшиеся между ней и Максимом Сергеевичем. Рано или поздно, встанут вопросы, на которые ей придется ответить. Но с другой стороны, должен Беляев ее понять. Должен. В любом случае. Речь ведь не только о самой Саше, но и о ее родителях.

Им просто надо откровенно поговорить. Вот и все. Теперь это даже необходимо сделать.

Девушка протянула пропуск табельщице, задумчиво глядя вдаль. Ждала, пока та сделает отметку и уберет личную карточку в специальный карман.

– Ты сегодня сама на себя не похожа. – Сказала вдруг Маруся.

Она единственная из табельщиц была молодой. Остальные – прямо хорошо за сорок. Такое чувство, будто работа эта требует непременно большого опыта. Хотя, что там сложного? Отмечай время, да пропуска складывай.

– Почему? – Саша отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на девушку в серой тужурке, которая сидела в кабинке. Через эту кабинку сотрудники проходили на территорию.

– Не знаю. Это тебя надо спросить. Светишься вся, вон. Аж глаза режет, какая физиономия счастливая. Мужика, что ли, отхватила стоящего? – Маруся подмигнула с намеком.

Саша пожала плечами, мол, глупости это все, и пошла к зданию управления. Светится... может и так. Она даже чувствует себя какой-то обновленной.

Но самое интересное, при том, что из гостиницы Саша ушла буквально чуть больше часа назад, она уже соскучилась по Максиму Сергеевичу. По Максиму...

Утром, когда проснулась, не стала его будить. Он спал, пристроившись в неудобном кресле, но при этом хмурился и скрежетал зубами. Снилось, наверное, что-то. Саша сама спала так крепко, что даже не услышала, когда Беляев вернулся. Выбралась из шкафа, прилегла на постель, закрыла глаза, а открыла, когда за окном было светло.

В любом случае, Комарова приняла для себя решение. Им надо, наконец, поговорить. Обо всем. Беляев – комитетчик. Вопрос этого, всем необходимого, списка однозначно со дня на день встанет. Не хотелось бы из-за него снова разругаться. Поэтому ей нужно просто объяснить Максиму. Что в числе нелегалов, отправленных за границу, были и ее родители. Вот еще одна причина, по которой и сам Виктор Николаевич, и Саша просто не могли свободно передать сведения кому-либо. Только однозначно надежным, проверенным людям. А таких не имеется. Не имелось, точнее говоря. Саша надеялась, что Максим, наконец, станет тем, кто поможет ей со всем разобраться.

Дед, конечно, буквально плевался во все стороны и ужасно злился. По поводу того, что его сын и невестка сделали такой выбор.

– Патриоты херовы. Родину они хотели защищать. Ребёнка надо было защищать, а не Родину! Дитя сообразить ума хватило, а вырастить, хренушки!

О том, что родители не погибли, Саша узнала в пятнадцать лет. И это было... Наверное, ударом для нее. Особенно, по началу.

С раннего детства она жила с мыслью, мать и отец погибли в результате ужасного стечения обстоятельств. Отправились в горы, где из-за природных изменений сошла лавина. И все. Ребенок остался сиротой. Из близких – только дед. Саша их вообще не помнила. На момент, когда это случилось, ей было всего два года. Но фотография, на которой изображены улыбающиеся молодая женщина и мужчина, всегда стояла возле ее кровати.

И вдруг такая новость.

Они тогда с дедом в очередной раз поругались. Саша не понимала, почему ей приходится вести столь странный образ жизни. Все эти занятия, секретные тренировки в лесу, бесконечные требования деда запомнить то, выучить сё. У нее и детства, как такового, не было. Постоянно в режиме бесконечной гонки. Языки – три штуки. Английский, немецкий, французский. Математика – отлично. Других оценок дед не признавал. Физика – отлично. Грамматика, история, литература – отлично. Саша иногда терялась от того, насколько высокие требования были у Виктора Николаевича. Более того, он заставлял ее изучать этикет, правила поведения за столом, основы мирового искусства. В общем, такое чувство, что дед готовил девочку либо стать нобелевским лауреатом, причем, по всем направлениям сразу, либо чемпионом по пятиборью. Даром, что мужской вид спорта. Только фехтования не было в списке ее занятий. Даже с лошадьми она дело имела, когда с Виктором Николаевичем на лето уезжала в деревню.

Но стоило Саше заговорить о будущем, дед моментально хмурился и под любым предлогом избегал бесед подобного толка. Саша знала, что сам Виктор Николаевич служил в СМЕРШе, а затем, в Министерстве Государственной Безопасности. Ей такая работа казалась до ужаса интересной. А главное, полезной. Что может быть лучше, чем бороться с врагами своей страны? Поэтому в тайне, Саша мечтала о Высшей Школе Разведки. Просто спала и видела себя в её стенах. Тем более, брали туда только парней. Саша мечтала, как она придёт к экзаменаторам, которые посмотрят на ее подготовку и впервые за всю историю существования Школы возьмут на курс девочку. Вот это, конечно, будет настоящая победа.

В тот раз, они с Виктором Николаевичем поругались как раз из-за Сашиной мечты. Просто она, по наивности, почему-то решила, дед хочет того же. Иначе, зачем он ее так гоняет? Не выдает пока своих планов из-за сомнений. Вдруг не получится у него уговорить Арсения Васильевича, который на тот момент руководил Школой. Девочка все-таки.

Саша твердо была уверена, дед хочет, чтоб внучка пошла по его стопам. Она заметила, конечно, после ухода Виктора Ивановича на заслуженный отдых, товарищи по службе практически перестали появляться в их доме, но понятия не имела, в чем настоящая причина. Она вообще на тот момент ничего не знала.

Закончив очередной учебный год с отличием, Саша решила, пора поговорить откровенно. Тем более, восьмой класс, как-никак, позади. Она уже сто раз доказала, что достойна Школы. И дед лицом в грязь точно не ударит, когда замолвит словечко.

– Кудаааа?! – Виктор Николаевич так протяжно сказал это последнее «а», будто Саша ему сообщила, что собирается сбежать с цыганским табором и кочевать по всей стране.

– В Высшую Разведывательную Школу... Что не так? – Она смотрела на деда, искренне не понимая его реакции. Он буквально в одну секунду покраснел от злости и теперь только что дым из ноздрей не выпускал. Пыхтел, словно самый настоящий самовар.

– Какая Школа? Ты с ума сошла? Откуда вообще такие мысли? – Виктор Николаевич лепил пельмени, когда начался из разговор. Весь стол был усыпан мукой, а одну часть уже занимали готовые кругляши. Сама Саша только пришла из школы. Вернее прибежала. Год снова окончен отлично и она была полна решимости обсудить с дедом будущее.

– Я не понимаю... Но разве ты сам не для этого ... Вот это все... – Саша махнула рукой в воздухе, не зная, как точнее выразить свои мысли.

– Так... Ясно... – Дед почесал нос, испачкав его кончик мукой. – Ну...пришло, наверное, время поговорить. Садись, внученька. Сейчас я буду вводить тебя во взрослую жизнь. Что уж тянуть. Пока ты еще каких-нибудь сказок себе не придумала. Школа... Надо же...

Вот тогда-то он и рассказал ей все. Про нелегалов, которых готовил и отправил в Соединенные штаты. Про арест Абакумова и его ближайшего окружения. Про всю грязь того искусственно созданного дела. Про то, какие испытания ему пришлось пережить, чтоб выйти из внутренней тюрьмы, и вернуться к Саше. Про то, почему пропали старые боевые товарищи. Про то, зачем он все эти годы воспитывал Сашу именно так. Но главное, он рассказал правду о родителях. В тот день вся Сашина жизнь перевернулась с ног на голову. А потом так и осталась стоять на голове.

Зато девушка начала совсем иначе относиться к тому, что вдалбливал в нее Виктор Николаевич. Она решила, во что бы то ни стало, надо вытащить родителей обратно на Родину. Как? Не понятно. Дед очень сомневался, что по возвращению домой, даже если получится проверить такое сомнительное мероприятие, их тут же под белые ручки не загребут чекисты. Тем более, готовили агентов во времена руководства Абакумова, который, как известно, объявлен предателем и врагом народа. Он даже не был уверен, что им дадут спокойно выполнить свой долг и позволят работать дальше за границей. В общем, замкнутый круг.

Это теперь надо донести Максиму. Потому что Максим... Саша снова улыбнулась. Максим обязательно все решит.

Глава 3. В которой появляются исторические личности, а у меня развивается невроз

До завода дошел бодро. Резво, я бы даже сказал. Имелся решительный настрой порвать этот мир, к чертям собачьим, на мелкие куски. Нагнуть его и всех, кто хочет нагнуть меня.

Перед проходной остановился. Снова резко накатила эта душевная муть. Сейчас надо будет пройти «вертушку», подняться на нужный этаж, в нужный кабинет. И что дальше? В свете открывшихся подробностей даже смерть инженера не кажется большой проблемой. Так, чисто недоразумение и неприятность.

А я еще, деловой тип, сказал Филатовой, приходите, Нина Ивановна, помогу. Тут самому бы кто помог. По сути, я вообще рискую собственной башкой, продолжая изображать из себя Максима Сергеевича. Разница лишь в том, что он сознательно выбрал этот вариант событий. А меня, лично меня, никто не спрашивал. Вот гадом буду, Беляев, похоже, специально дал Комаровой себя угандошить. Посидел, наверное, подумал, сказал, гребись оно все конем, а потом хряпнул зелия Александры Сергеевны. Я мысленно усмехнулся, представив себе эту картину. Сидит Саша, напротив – Максим Сергеевич. Он такой берет стакан и со словами: «Ну...будем!» опрокидывает его содержимое в рот.

– Не смешно... – Сказал сам себе. Говорить-то по-прежнему не с кем. Ааа...Нет. Теперь есть еще Лиличка. Девушка Джеймс Бонда. Правда, из меня агент – такое себе. Пить martini за стойкой бара и говорить с загадочным видом: «Я – Сергеевич. Максим Сергеевич», это – пожалуйста. Это сколько угодно. Носить смокинги, ездить на дорогих тачках, спать со всеми красотками, которые попадают на пути. А в остальном – увольте. Жаль только, что сейчас 1972 год. В Советском Союзе нет ни крутых тачек, ни сексуальных красоток, ни martini с оливками. А я, на секундочку, являюсь сотрудником Комитета Государственной Безопасности. И если по какой-то причине вскроется правда, то, скорее всего, меня без лишних разговоров поставят к стенке. Быть нелегалом круто. В кавычках, конечно. Хрен кто признается, что ты агент. Хрен кто протянет руку помощи. Обмен там, или что обычно используют для спасения шпионов.

Главное, память мне намекала. Намекала, стерва такая. Когда вспомнил о деле Пеньковского, было ощущение, словно кто-то невидимый пальцем тычет в эту историю. Мол, посмотри, придурок, что бывает с теми, кто Родину продаёт. Правда, для Максима Сергеевича Союз не является Родиной, но тем не менее, вряд ли данный факт сыграет в плюс. Наоборот. Нелегал пробрался в ряды Комитетчиков. Это, можно сказать, плевок им в лицо. Не простят оскорбления.

Постоял, потупил, посмотрел на часы. Почти девять утра. Уже на час опаздываю. Хочешь, не хочешь, надо идти. Была, конечно, грешным делом трусливая мыслишка свалить. А что? Вон, как Маслов. Забуриться куда-нибудь подальше и сидеть там в ожидании чуда. Вдруг само собой рассосется. Волшебным образом.

Беда только в том, что ни черта, конечно, не рассосется. И вытащить себя из этого дерьма могу только я. Все. Вот мне точно неоткуда ждать помощи. Да и как известно, Маслов закончил плохо. Пример тоже хреновенький.

Я оглянулся, сам не знаю зачем. Взглядом быстро оценил периметр, который находился в зоне видимости. Теперь паранойя Комаровой заразила и меня. Мерещится, будто за мной кто-то следит. Комарова...Вот еще одна проблема. Хотя, нет. Не еще одна. Пожалуй, Комарова – это главная проблема.

Однако, от себя, что говорится, не убежишь, надо идти. Стоять до конца жизни напротив завода – такое себе план.

Я решительно направился к проходной. В конце концов, не может быть, чтоб совсем не имелось выхода. Просто пока я его не вижу. Однако, обязательно что-то придумаю. Всякое бывало. Конечно, не настолько «всякое», как сейчас, но все же.

Не успел пройти через «вертушку», как сразу заметил Калинина. Он бежал мне навстречу с таким выражением лица, будто хотел сообщить нечто очень важное. Причем, бежал не в переносном смысле, а очень даже натурально. Легкой трусой.

У Владимира Александровича его коротко подстриженные волосы немного стояли дыбом. Видимо, от волнения он их разлохматил рукой. Лицо покраснелось, глаза горели каким-то вдохновенным безумием. Сука... Мне уже дурно. Он еще даже не начал говорить, я уже ничего не хочу слушать.

Потому что совсем не хочу больше никаких важных сообщений. У меня от этих важных сообщений дергается глаз. Отвечаю. Сейчас не удивлюсь ничему. Например, если Владимир Александрович расскажет мне, будто я – тройной агент всех разведок мира. Или он – агент. Или все мы – сотрудники Массаса. Вот серьезно, хоть разворачивайся и беги от него. Будем, как два дурака, по двору в салочки играть. Но... Естественно, сделать ничего подобного я не могу. Хотя, очень жаль.

– Максим Сергеевич! Ну, наконец-то. Я Вас заждался! Кстати, не только я! – Калинин говорил рублеными фразами и восклицательными знаками. Он действительно был сильно взволнован. Сука... не хочу ничего знать. Вообще. Ничего.

– Здравствуй, Володя...

Не останавливаясь, прошел мимо него. Наверное, вид у меня был не очень, потому что Володя резко притормозил, открыв рот. То ли от удивления, то ли собираясь что-то сказать, то ли просто нравится человеку стоять с открытым ртом. Он несколько секунд растерянно смотрел мне в спину, а потом все-таки кинулся следом.

– Максим Сергеевич, там Комарова в кабинете. Сидит уже час. Вы просто ... – Он, наверное, хотел сказать «опоздали», но вовремя вспомнил, кто из нас начальство. – Вы задержались. А она же Ваш помощник. Но заданий не поступало. Поэтому Александра Сергеевна ждет.

– Замечательно... – Ответил я Калинину, продолжая топтать к управлению.

Вообще, конечно, замечательного совсем ничего нет. Ни капельки. Ни грамма. Я понятия не имею, что мне делать. Все утро ломаю голову, но пока ничего не придумал. Знаю наверняка лишь одно, руки опускать нельзя. Нужно искать выход. Вот только как? Получается, много лет назад, если говорить точно, то восемнадцать, я приехал сюда, в Советский Союз под личиной парня, который пережил серьезную трагедию. Надо поковыряться в своей же биографии. Изучить подробности. Как это было. Чертова память творит, что хочет. То включается, как кино-проектор, то молчит, как настоящий партизан. Я удолбался жить на вулкане. Честное слово. Каждый день приносит что-то новое.

Что следующее? Какие еще подробности выяснятся? А самое хреновое, получается, Максим Сергеевич приступил к выполнению какого-то задания от своих настоящих хозяев. С Лиличкой они познакомились больше года назад. Почти два, насколько я могу судить по обрывкам воспоминаний. Актриса, похоже, и есть тот связной, о котором говорил Джонатан. А что? Неплохой вариант. Она мотается по стране. Общается со многими людьми. Никого не удивит большое количество знакомых, среди которых по-любому есть канал для связи. Он, этот канал, может быть каким угодно и вообще не вызывать подозрений. А там, глядишь, и за границу ездит на гастроли. Не знаю. Ни черта не знаю... Факт в том, что в моем сне Джонатан конкретно сказал. Мол, сидишь, никуда не рыпашься. Живешь, строишь карьеру. Цель – попасть в сферу госбезопасности. Придет время, связной сам тебя разыщет. Вот, судя по наличию Лисички, время пришло. Понять бы еще, время для чего? Комарова? Но Максим Сергеевич охотился за ней херову кучу лет. А с блондинкой он познакомился всего лишь два года назад. Что ж хозяйева так долго ждали? Несрастухи опять получают.

– Максим Сергеевич, но не это самое важное. Звонили из Москвы... – Калинин шел за мной следом, стараясь не отставать, и бубнил в спину, чем ужасно, просто невыносимо раздражал. Хотя, сказать честно, меня сейчас все раздражает.

– Замечательно, Володя. Москва – это хорошо. Это – прекрасно. Москва – столица нашей Родины. И что нам сказали из Москвы?

Мы уже оказались перед зданием управления. Я остановился, посмотрел на вход. Потом свернул в сторону и пошел к елочкам. Не хочу заходить внутрь. И Комарову видеть не хочу. Вернее, хочу. Даже очень. Удивительное дело, но я, похоже, соскучился. И видеть хочу, и вообще. Но теперь, в свете открывшейся правды, я не знаю, так ли уж безобидно мое нахождение рядом с ней. Вдруг список этих советских нелегалов и есть мое задание?

– Максим Сергеевич, надо решать ситуацию, которая связана с Масловым. Мы должны отчитаться о том, что убийство произошло на бытовой почве. Диверсии не было, есть лишь проблемы личного характера со всеми вытекающими отсюда последствиями. В любом случае, у нас имеется признательное письмо его жены. Оставлять ситуацию открытой мы не можем. Понимаете? Не в этих обстоятельствах.

Я похлопал по карманам. Потом вспомнил, что снова не купил курева и посмотрел на Калинина. Тот сразу все понял правильно. Тут же вытащил пачку. Протянул ее мне.

– Угощайтесь. Так вот... Решение наверху было принято, информация подтвердилось. Он придет. И нам надо, как можно быстрее, дело Маслова прикрыть. Мол, все обошлось испугом. Нет проблем. Потому что их, получается, на самом деле, нет. Чертежи вернулись на место. Я понимаю, Вы настаиваете на другой версии. Но ее нет. Все сходится к тому, что Лев Иванович от переутомления совершил абсолютно неадекватный поступок. Ушел с завода с секретными сведениями. Может, сделал это машинально. Скорее всего, не отдавал отчета своим поступкам. Тем более, получается, у него в семье были большие проблемы. Супруга ревновала, устраивала скандалы. Он, наверное, на нервной почве не понимал, что делал. А потом произошла трагедия. Анна Степановна приехала к Маслову на дачу, чтоб разобраться с их отношениями. Вышла ссора. Ну, а дальше – стечение обстоятельств. Не учла только, что ее будет мучать совесть...

Следом за сигаретами появился коробок спичек. Его я тоже взял. Прикурил, затянулся, выпустил дым, а затем перебил Калинина, собирающегося зайти на новый виток своих словесных виражей.

– Володя, это бред. То, что ты говоришь. Полный бред. Что Василий говорит? Созванивался сегодня?

– Да, конечно. Сразу утром и беседовал с ним. Заехал перед работой. Дело Маслова забрали комитетчики. Не знаю, почему. Они ничего Василию Андреевичу не объяснили. Но сами знаете, эти товарищи никогда ничего не объясняют. А вот супруга... там все очевидно. Самоубийство. Тем более, предсмертная записка имеется. Но Вы поймите, если чекисты взяли за инженера, но при этом приезд все равно подтвердили, значит, ничего страшного не произошло. Значит, Комитет не считает опасным показать ему наш город и наш завод. Мы-то зачем будем упираться рогом? Я предварительно сказал во время разговора с Москвой, что ситуация решилась. Но они ждут Вашего подтверждения.

– Володь... О ком ты говоришь все время? Кто «он»? Чей приезд?

– Максим Сергеевич, ну, Вы что? Стоял вопрос, попадает ли наш завод в список мест, которые посетит делегация. Теперь точно известно, что попадает. Они поедут сначала на Атомную станцию. Из наших с ними будет Косыгин. Здесь встречает первый секретарь Воротников. – Калинин говорил быстро, скороговоркой.

Словами давился, глотая их вместе со слюной. Особист волновался все больше. Так понимаю, из-за моего упрямого нежелания закрывать глаза на ситуацию с Масловым.

– Володя! Кто «они»? Кто «он»? Я не понимаю ни черта!

– Фидель Кастро. – Выражение лица у Калинина было такое счастливое, будто он назвал совсем другое имя. Например, дедушка Мороз.

Я нервно хохотнул. Это вышло, между прочим, непроизвольно. Чисто реакция организма. Точнее расшатанной в конце психики.

– Володя... ты заговариваешься? Или бухал? Бухал?! Ну-ка дыхни! – Наклонился к особисту и потянул воздух носом. Да потому что какой, нахрен, Фидель Кастро? Калинин угорает?

– Максим Сергеевич! Ха! – Калинин с чувством выдохнул прямо мне в лицо. Имелся лишь запах табака, что вполне логично, учитывая, чем мы сейчас занимаемся. – Знаете же, я на работе ни-ни. Ну, Вы чего? Мы ждали этого момента столько времени. Представляете, лидер «Острова свободы» в нашем городе, на нашем заводе. Это событие, которое на всю жизнь запомнится. Детям будем рассказывать. Или внукам. А тут наша история с Масловым... Это хорошо, Анна Степановна призналась...

Калинин тут же осекся, понимая, что именно сказал.

– То есть ... что она повесилась, конечно, плохо. Но то, что призналась, это – хорошо. Из-за случившегося рассматривался вопрос об изменении маршрута и списка мест, которые посетит делегация. Однако, теперь все хорошо. Я уже отчитался по Маслову но Вы же понимаете, Москва ждет Вашего заключительного слова.

– Подожди... – Я выбросил окурок, а потом потянулся за второй сигаретой. Потому что нервы вообще ни к черту. Если меня не хватит инсульт, это будет очень удивительно. – Фидель Кастро? Тот самый? С Кубы?

Господи, какую удивительную херню несу. Будто существует много Фиделей. Теперь как бы Калинин не заподозрил, что я бухой. А он, судя по выражению лица, так, наверное, и подумал. Либо, что его начальство сошло с ума.

– Ну, да... Максим Сергеевич, отдохнуть бы Вам, что ли. Денек. Выспаться. – Владимир Александрович смотрел на меня с некоторыми сочувствием. – Переговоры по атомной энергетике и самолетостроению предстоят. Сам Фидель приезжает и его сын. Ну, естественно, в сопровождении кубинских спецслужб. Парень, сын имею в виду, учился два года в нашем Университете. Под другим именем, конечно. Вы еще не бывали тогда у нас... Это с 1968 по 1970. Не знаете, наверное. Так вот, учился. Да. Два года. На физическом факультете. Его перевели в Москву из-за того, что он тайно женился на студентке. Сначала, конечно, информация была секретная. Только коллеги из Комитета суежились. Им приходилось приглядывать за сыном кубинского лидера. Ну, вот и получается, отец по вопросам сотрудничества, а сын к своей жене. Хочет забрать, вроде бы ее. Уже дата известна. 1 и 2 июля. То есть у нас меньше двух недель. Это ведь серьезное мероприятие. Еще с ними переводчица – дочь испанского коммуниста, Пилар Уэрте Гарсия. Вы понимаете, какой это уровень. Мы не можем просто сейчас снова поднимать вопрос о Маслове. Ну, ничего же смертельного не произошло.

– Володя, у нас два трупа. А у тебя ничего смертельного не произошло... Иди. Мне надо подумать.

Калинин набрал воздуха в грудь, видимо, собираясь вывалить на меня новую порцию фактов, способных сломить мое упрямство. Володя думает, мне от ничего делать просто охота повредничать. Вот так, наверное, все выглядит в его глазах. Типа, уперся козел Московский, принципы свои отстаивает. Можно же сейчас этими принципами поступиться, дело Маслова прикрыть. А потом, если уж не в моготу, уедет Фидель Кастро, и ковыряйтесь, Максим Сергеевич, сколько душе угодно. Фидель Кастро... Охренеть. Легендарный Команданте...

В этот момент меня «прострелило». Лиличка ночью сказала то же самое. Мил, информация подтвердилась. Готовь все необходимое и готовься сам. Что-то такое прозвучало.

– Да ну на хер! – Вырвалось у меня вместе с дымом.

Калинин, который уже отошел в сторону, двигаясь к Управлению, как было велено, удивленно оглянулся.

– Вы мне, Максим Сергеевич? – Спросил он, намереваясь, видимо, вернуться обратно.

– Нет, Володя. Это я себе. Иди, не забивай голову. Жди меня, сейчас подойду. – Я махнул рукой. А себе под нос добавил. Тихо, еле слышно. – Иди, Володя, с богом. Дай Максиму Сергеевичу в себя прийти. Максим Сергеевич в ахере.

Я дождался, пока Калинин скроется в здании управления завода, а потом, развернувшись, рванул в сторону проходной. Мне срочно надо встретиться с актрисой. Срочно. Прежде, чем я увижу Комарову, прежде, чем свяжусь с Москвой, надо понять, какого черта от меня хотят.

Глава 4. В которой я планирую играть роль перед актрисой

Поговорить с Лиличкой, это, конечно, хорошо я придумал. Идея сама по себе отличная и правильная. Нужно понимание. Хоть какое-то. Рассчитывать на память, которая развлекается по полной программе, дело ненадежное. Даже сочинил более-менее правдоподобную версию, как разговор затеять. Но имелась проблема. Понятия не имею, где актриса живет. Не помню. Вот ведь «неожиданность». Опять не помню ни черта.

Соответственно, решил сначала рвануть в театр. Если блондинки там нет, то хотя бы, может, получится выяснить место ее дислокации. Не ходить же кругами по городу, надеясь на третий глаз и интуицию. Без того чувствую себя дураком неполноценным.

Не долго думая, двинулся в сторону трамвайного кольца, которое находилось неподалеку. Как раз напротив второй проходной. Там, вроде, конечная общественного транспорта. На машине, естественно, было бы сподручнее, но объясняться с Калининым неохота. А ключи, по-любому, у него.

К тому же, он ждет меня для срочного решения рабочих вопросов. А я пока ничего не готов решать. Да и Александра Сергеевна караулит в кабинете.

– Извините, не подскажете, где находится Драматический театр? Как туда попасть? – Выцепил из редких прохожих тётчку, ближе к пенсионному возрасту. По идее, она должна ориентироваться в городе. Вид у нее очень деловой.

Тётчка посмотрела на меня, как на врага народа. Наверное, непонятные мужики, которые рабочим утром интересуются театром, в ее глазах доверия не заслуживали.

– Это тебе, милоч, надо на правый берег. Иди вон, на конечную. Троллейбус номер четыре. Трамвай не жди, они туда не ходят. Доедешь до сквера имени Кольцова. Выйдешь. Сдашь чуть назад. Увидишь театр. Ну, вот он тебе и нужен.

Я поблагодарил тётку и направился к остановке. Нужный мне транспорт только собирався трогаться с места. Как удачно все складывается. Даже не придется ждать и тратить время. На ходу запрыгнул в закрывающиеся двери, за что от кондуктора получил нагоняй. Пришлось пять минут извиняться, улыбаясь ей во все зубы, пока не оттаяла. Пассажиров практически не было. Я оплатил билет и занял место возле окна.

Пока мы не спеша перебрались с левого берега на правый, а троллейбус двигался очень медленно, накидывал в голову текст речи, которую вывалю актрисе. В принципе, вариантов не очень много. Если говорить более точно, то вообще один – проблемы с башкой. Причем, в прямом смысле. Шел, упал, очнулся – туман. Часть помню, часть не очень. Больше никаких идей у меня не имелось.

В конце концов, если по причине слабого здоровья и скудоумия была бы возможность избавить себя от почетной роли шпиона, я бы реально сам, с разбегу, пару раз манданулся о какое-нибудь дерево покрепче. Вот только что-то подсказывает мне, не сработает этот «гениальный» план в случае с нелегальным агентом. Даже если я в кровь разобьюсь, хрен мне, а не обратная дорога. Обратной дороги просто нет.

Теоретически, думаю, существует практика, когда нелегалов отзывают. Но по очень серьезной причине. Потому что у человека – жизнь целая прошла. И терять такой удачный вариант для добычи информации никто не станет.

– Мужчина... Эй, мужчина!

Я отвлекся от размышлений и обернулся к кондуктору, которая, оказывается, звала меня уже несколько раз.

– Вы просили сказать, когда остановка Кольцовский сквер. Вот сейчас. Выходить Вам надо.

Поблагодарил милую, заботливую женщину за ее ответственный подход к делу, и выскочил на улицу. Прошел в обратную сторону буквально метров триста-четырееста. Театр, действительно, имелся. Стоял на самом виду. Старое здание с портиками и колоннами.

Я перебежал дорогу и прямой наводкой направился к главному входу. Высокая, тяжелая дверь с деревянной ручкой оказалась открыта. Это радовало. Не придется метаться в поисках способа попасть внутрь.

В просторном холле было темно, прохладно и тихо. Я прошел вперед. Постоянно крутил башкой, надеясь встретить хоть кого-то. Здание не маленькое. Опять же, глупо бегать по нему и звать Лиличку. Надо просто спросить у кого-нибудь, когда здесь вообще бывают актеры. Или где, например, какой-нибудь секретариат. Администрация. Не знаю. Что угодно.

– Ты чего здесь ошиваешься?

Голос прозвучал неожиданно, из-за спины. Я обернулся. Пожилая женщина в темно-синем рабочем халате мыла полы деревянной шваброй. Тряпку она мочила в огромном ведре. Причем, просто окунала ее в воду, а потом, не выжимая, плюхала сразу на паркет. В итоге, перед ней образовалось приличная лужа, которую она активно возила по всему холлу.

– Добрый день. – Культурно поздоровался я с уборщицей.

Никем другим эта женщина быть не могла. А вообще, рабочий персонал – очень даже полезный народ. Они, как правило, знают все и обо всех.

– Думаешь? – Тетка замерла, выпрямилась, оперлась о швабру и пару секунд пялилась в пустоту. Потом, решительно покачав головой, заявила. – Не уверена. День – полное говно.

Вздыхнула и, наклонившись, принялась драить пол с каким-то остервенением. Будто во всем был виноват именно этот несчастный паркет.

– Отпуск задерживают. Еще одну сотрудницу взяли. Молодую. Все. Того и гляди выкинут бабу Наташу на улицу. А что? В прошлом году должна была не пенсию выйти. Но как тут выйдешь, если внукам помогать надо. Теперь-то конечно, они меня проводят. Ага. Скажут, иди, баба Наташа на заслуженный отдых. А кому он нужен? Кому, я тебя спрашиваю?!

Тетка снова остановилась, внимательно посмотрела на меня. Теперь, похоже, вместо паркета виноват был я. Такое чувство, что это мы с паркетом хотим отправить ее на пенсию.

– Все сволочи! Несомненно! – Тут же поддакнул уборщице, для создания дружеской атмосферы.

– Вот! – Она подняла вверх указательный палец. – Ты меня понимаешь. Не то, что вся эта актерская братия. Особенно Прима наша. Звезда из народной глубинки. Сидела бы в своем колхозе и не позорилась. А то ходит тут, понимаешь ли, рабочих людей унижает своим высокомерием. А я, между прочим, десять классов образования имею. Да! А то, что дальше не пошла учиться, так это, мил человек, война проклятая виновата. Еще имя себе придумала. Лиличка. Представляешь? Да какая нормальная баба так назовется?

Судя по всему, уборщица сильно была зла на блондинку. А вот это, очень хорошо. Это просто отлично.

– Баба Наташа, а давайте помогу Вам ... – Сказал я, широко улыбаясь тетке.

Баба Наташа от помощи великодушно отказалась. Не доверила мне столь серьезное дело. Но зато с огромным удовольствием рассказала всё и обо всех. Она продолжала мыть полы, а я просто за компанию отирался рядом. Видимо, тетке было скучно одной и компания ее сильно порадовала.

После получасового разговора, пока уборщица усердно заливала паркет холла водой, я знал, кто с кем спит, спал и будет спать. Причем, даже в перспективе. В этой теме баба Наташа разбиралась получше самих объектов ее рассказа. Мне кажется, они даже не знали, какая насыщенная у них личная жизнь. Выяснил, кто бездарность и хамка, кому устраивали пакости

завистники. Особо досталось Лиличке. Ее уборщица не любила больше остальных. Правда, пока на личные подробности не переходила. Все больше о жизни рассказывала.

В процессе трудовой деятельности бабы Наташи, направленной на чистоту и порядок драматического театра, я узнал следующее. Лиличка приехала из провинциального городка. Мы, конечно, тоже сейчас не в столице находимся, но блондинку принесло совсем из глубинки. Если верить бабе Наташе, Лиличка воспитывалась в приличной семье. Родители у нее из интеллигенции. Уборщица так и сказала – интеллигенты всратые. Как любой представитель рабочего класса баба Наташа явно не любила работников умственного труда. Правда, не могу представить интеллигенцию провинциального города, который, судя по рассказу моей новой знакомой, был не больше поселка, на самом деле. Но, тем не менее, своим происхождением Лиличка гордилась.

– Происхождение... Понял? Она так и говорит. Происхождение у нее. А мать – всего лишь учительница. Отец – в музее работает. Она оттуда сбежала. От этих интеллигентов. Поступила в театральное. В Москве. Но таланта, видимо, остаться не хватило. А, может, по распределению. Не знаю. Думаю, все-таки талантом природа обделила. Вообще не понимаю, как ее в училище взяли. Вот, к нам приехала. Года четыре назад. Может, пять. И сразу на первые роли рвалась. Самое интересное, смогла ведь. Но с режиссером она не яхшается. Это я тебе точно говорю. У того роман с молодой костюмершей. Костюмерша у нас новая. Недавно устроилась. Сначала в помощница ходила, а теперь вон, заправляет всем. Ох, девки нынче ушлые пошли.

– Интересно... – Я всячески бабе Наташе поддакивал, а сам пытался сообразить, каким ветром актриску занесло в агентуру. Она ведь как-то снюхалась с ЦРУ. Не думаю, что они объявление о приеме на работу дают. Значит, были предпосылки. К левому человеку тоже никто с подобным предложением не сунется. А то так можно встрять. По самые не балуйся. В руки контрразведки, например. Выходит, Лиличка дала им повод для уверенности.

– А то! – Согласилась уборщица и последний раз проехала тряпкой туда-обратно.

Честно говоря, после ее манипуляций пол чище вовсе не стал. Думаю, тете и правда пора на пенсию. Но это не мое дело. Меня интересует блондинка. А вернее, все, что я о ней могу разузнать. Раз уж мы с ней в одной связке, не мешало бы иметь пару козырей в рукаве. Связь, она ведь в обе стороны работает. Мне сейчас совсем не с руки, чтоб блондинка своим хозяевам доносила о плохом поведении товарища Беляева.

– Слушай, физиономия у тебя знакомая... – Баба Наташа остановилась и внимательно посмотрела прямо мне в глаза. – Ты ведь бывал уже тут... Точно говорю. Бывал. Память хорошую имею. Хоть и годы свое берут.

– Вот не скроешь от Вас правду. Бывал.

Я решил уборщице подыграть. В любом случае, Максим Сергеевич однозначно не один раз засветился в театре. Начну отнекиваться, а баба Наташа вспомнит. И все, не будет между нами доверия.

– Вы уж не обессудьте, что с самого начала не признался. Лиличка... отношения у нас с ней, вроде как. Серьезные. Планы на будущее. Но возникли недавно большие сомнения. Подозреваю, она меня обманывает.

– Ох... и то верно. К этой стерве ты приходил. Видела тебя я. Так ты не подозревай, милоч. Точно обманывает. У нее еще один хахаль есть.

Я от таких откровений чуть не расплылся в улыбке. Отличная новость. Но лицо, конечно, сделал сразу по-ублюдски постное, несчастное. Мол, какая досада! Какой пассаж!

– Да Вы что? И кто он? Этот хахаль? Говорите, как есть. Правду. Переживу любой удар с гордо поднятой головой.

– Вот кто такой, точно, конечно, не скажу. Он бывает у нее раз в месяц где-то. Чаше не видела. Красивый такой. Видный. На молодого Соломина похож. На Юрия. Понял? Виталий, он слишком простоват. Деревенский парень. Хоть и актер хороший. А вот Юрий – кра-

савец. Не зря он все белых офицеров играет. И вот этот гражданин, что к Лиличке таскается, вылитый актер кино. Представить не могу, где она его подцепила. Волосы – светлые, как пшеница. А глаза... Синющие. Что небо. Но хам и наглец, скажу тебе. Он как-то раз шел, а я полы мыла. Так прямо по чистому своими ножищами. Я ему говорю, ты куда прешься, скотиняка. А он меня буквально послал по-простому, куда Макар телят не гонял. Представляешь? А потом еще минут пять отчитывал. Что обслуга должна работать молча. Обслуга... Да где он видел обслугу? Семнадцатый год давным-давно прошел. А у этого все еще обслуга. Но знаешь, отношения у них странные.

Баба Наташа окончательно бросила тряпку в ведро и оперлась на свою швабру обеими руками.

– Что Вы имеете в виду? – Я внимательно впитывал каждое слово. Мне сейчас любая информация на вес золота.

– Как бы тебе объяснить... Сказать могу, что баба твоя его боится. Вот так похоже. Он всегда один заходил в театр. Она его даже не встречала никогда. Шел на репетицию, и уходил тоже один. На спектакле никогда не бывал. Так вот однажды, я кладовку мыла. А кладовка у нас в коридоре, который к гримеркам ведет. И слышу, голоса какие-то. Хотела выйти, да прям ровнехонько только за дверь взялась, звук такой... Будто пощечина. Понимаешь? Оплеуха. Я выскочила. Думала, может помощь нужна кому. А там эта Лиличка. И за лицо она держалась, а не ее красавец. Он напротив стоял. Близко. Вот прям на расстоянии руки. А глаза у Лилички такие испуганные. Страх прямо был в них. Оно, конечно, всякое случается. У нас раньше в деревне вообще знаешь, как думали? Ежели муж раз в неделю жену вожжами не прошел, значит, безразлична она ему стала. Значит, любовницу завел. Но тут... В общем, мне показалось, актрисулька твоя с этим хахалем не столько по любви, сколько по необходимости. Ты уж прежде, чем свататься, разберись, что там за странные дела творятся. Дела странные, это тебе говорю точно.

Я от души поблагодарил бабу Наташу за совет, но еще больше за рассказ. Потому что рассказ этот имел, на самом деле, огромное значение. Пока еще не понимаю, какое именно, но один момент показался мне наиважнейшим. Тот тип, который следил за Комаровой совсем недавно. К которому я подошел в парке и попросил закурить. По описанию он сильно похож на хахалю Лилички, как его назвала уборщица. Я, правда, думаю, что ни черта этот товарищ не хахаль. Либо, возможно, бывший любовник актрисы. Вполне возможно, так ее и завербовали. Через постель. Времена другие, а механизмы действия все те же. Как и в моей прошлой жизни. Секс – мощный рычаг воздействия. А тут вообще, предполагаю, все просто. Преспал, значит, это – любовь. Так в большинстве своем женщины думают. Опять же, независимо от времени.

Мог этот красавец познакомиться, например, с Лиличкой, закрутить роман, а потом подтянуть к агентурной деятельности, в качестве связного? Мог. Вполне. Однако, раз блондинке обозначили нелегала, о котором вообще единицы знать должны, получается, она у этих товарищей на хорошем счету. Проверенный сотрудник, который заслуживает доверия.

В любом случае, важно не это. Важно, что белобрысый красавец вертится и рядом с Комаровой, и рядом с Лиличкой. А я уверен, речь об одном и том же человеке. Еще вспомнился момент, когда мы лицо к лицу стояли. Он точно меня узнал. Уверен в этом на сто процентов. Правда, тогда решил, что Беляева он знает, как особиста, а не как комитетчика. Теперь есть еще один вариант. Вполне возможно, этот тип о Максиме Сергеевиче более интересную информацию имеет. Теоретически, вряд ли. Хотя... Он может не знать всей правды до конца. Может думать, что Беляев – завербованный особист. В любом случае, мне бы разобраться надо. Не столько ради себя. Ради Комаровой больше. Какой у блондинистого красавца к ней интерес. Какие цели.

– Баба Наташа, не подскажите, а где сейчас найти Лиличку? – Я решил воспользоваться возможностью, которая выпала мне, в виде знакомства с уборщицей, до конца.

– Чего ее искать? Репетиция у них. Ты иди в зал, милок. Там все. Новую пьесу разбирают. Сейчас тихо, потому что режиссер наш орать перестал. Текст, наверное, читают. Иди. Надо, конечно, выяснить. А то знаешь, как? Жениться не напасть... Главное потом не оказаться в болоте, которое тебя на дно тянет. Ты вон, хороший парень. Внимательный.

Я поблагодарил уборщицу и направился в сторону лестницы, которая вела к высоким дверям.

Глава 5. В которой Нина Ивановна нуждается в моей помощи и не знает, что я нуждаюсь в помощи сам...

Ниночка Филатова впервые в своей жизни понятия не имела, как лучше поступить. Хотя... Что уж там скрывать. Не лучше. Как вообще поступить, чтоб сохранить свою жизнь и голову на плечах. Даже приблизительно не знала. Даже в перспективе. И это при том, что Нина Ивановна всегда ухитрялась выкрутиться из любой ситуации. Но теперь, события завели ее в настоящий тупик. В тупик, из которого нет пути ни в какую сторону. Вернее, Филатова попыталась проскочить в единственную лазейку. Она даже пришла к Максиму Сергеевичу и заявила, будто смерть Маслова на ее совести. Но ни черта не вышло. Беляев не поверил.

Все началось со Льва Ивановича. Именно с него. Чтоб ему пусто было... Вернее, с того задания, которое Нине Ивановне дал Марков.

Они ждали нужного момента, планируя вынести чертежи и сделать копию. Как именно это произойдет, Вадим не объяснял. Просто сказал, когда придет время, он даст знать. Филатовой нужно всего лишь взять необходимое и отдать ему.

Всего лишь... Как просто это звучало из уст Вадима. Ниночка голову сломала, прикидывая свои возможные действия. Причем действия должны быть правильные, которые не будут иметь последствий. Но пока не могла ничего придумать. В любом случае, пропажу заметят сразу. Это несомненно. Она ведь не пачку карандашей вынесет. Не стопку бумаги. Единственный вариант – сделать все вечером, а утром, желательно до прихода Льва Ивановича, вернуть украденное на место. Но это такая сомнительная авантюра, что надеяться остается только на фантастическую удачу.

А потом вообще что-то пошло не так. Если говорить более точно, то все пошло не так. Сначала Маслов вдруг явился к Ведерникову со странной просьбой.

– Игорь, извини за беспокойство...

Инженер выглядел немного растерянным. Хотя, нет. Немного растерянным он выглядел каждый день. Привычное состояние Маслова. Собранным он становился, только когда занимался своим любимым делом. В этот раз Лев Иванович был растерян сильно. Гораздо сильнее привычного.

– Не сочти за наглость или бестактность... Но... нет ли возможности переночевать у тебя несколько дней? Я, видишь ли, разругался с женой... Так... мелочи. Вроде бы. Но... Просто я знаю, ты живешь один.

Ведерников настолько обалдел от происходящего, что сразу же бросился к Ниночке за советом. Он о планах Филатовой, конечно, не знал. Его удивил сам факт. Маслов никогда не был близок с коллегами. Избегал этого всячески. Единственный раз, когда Нина Ивановна видела его беседующим хоть с кем-то не о работе, это – Комарова. В тот день, когда они всем отделом праздновали Новый год. А говорили Бледная Моль и Маслов точно не о работе. Однозначно. Инженер был сильно взволнован. Комарова вообще вычитывала ему что-то, как подростку. К сожалению, Ниночка не смогла разобрать слов. Слишком далеко находилась. А подойти ближе не могла. Они бы в любом случае ее заметили. Пришлось умереть любопытство и уйти обратно в ресторан.

Поэтому Игорь был в шоке от столь неожиданной просьбы Маслова. Тем более он считал инженера примером для подражания. Ведерников мечтал стать таким же профессионалом, как и Лев Иванович. Ситуация, в которой тот попросил помощи, произвела неизгладимое впечатление на Ниночкиного друга.

– Господи, ну, дай ему ключи от дачи. Сейчас – лето. Ты бываешь там редко. Добраться можно на электричке. Она идет практически до завода. Станция в двух шагах от проходной.

На крайний случай, есть автобус. Дойдет до поселка и сядет на него. Просто сам подумай, как ты поселишь его с собой в общежитии? Это не удобно, да и неприлично. Будете маячить друг перед другом. Все-таки он тебе даже не товарищ.

Вообще Ниночка, предлагая Ведерникову такой план, рассчитывала еще на собственную выгоду. Если Маслов на несколько дней переедет жить к Игорю на дачу, то, вполне возможно, немного выпадет из рабочего процесса. Или, хотя бы, будет приходить чуть позже. В общем, Ниночка сама до конца не понимала, что хорошего в этой ситуации, но чувствовала всеми фибрами души, ей, ситуацией, надо воспользоваться.

Игорь послушался совета подруги и предложил Маслову ключи от дачи. Тот с радостью согласился.

Филатова вечером, придя с работы, подумала, надо бы, наверное, сообщить о случившемся Вадиму. Но потом подумала еще раз. Потом еще. И решила, нет. Не надо. А вот поступить иначе, чем планировала изначально, пожалуй, стоит. Например, напроситься в гости к Маслову.

А что? Он, конечно, не принц для Нины Ивановны. Совсем не в ее вкусе, скажем честно. Но сейчас инженер одинок. Всем известно, насколько он крепкий семьянин. А тут – такой разлад в царстве любви. Скорее всего, он переживает. Надо ситуацией воспользоваться. В конце концов, Лев Иванович – мужчина. Все мужчины мыслят одинаково. Ниночка поддержит его в тяжелый момент, соблазнит и привяжет к себе. Сделает зависимым от своих желаний.

Это даст огромное преимущество. В момент, когда Вадим потребует выполнить свое задание, Нина Ивановна сможет воспользоваться помощью Маслова. Не в открытую, конечно. Ни в коем случае. О том, что Нина шпионит для Маркова, не знает даже Игорь. А от него она никогда ничего прежде не скрывала. Но, к примеру, можно проявить заинтересованность работой, попросить помочь ей повысить уровень своего профессионализма. Да что угодно, в конце концов. Причина подойдет любая. Когда мужчины влюблены, они вообще перестают думать головой. А такой, как Маслов, не склонный к изменам, верный и преданный, тем более не просто увлечется молоденькой любовницей. Он сто процентов окунется в эту связь с головой.

Ниночка довольная и счастливая легла спать. Для себя решила, завтра сразу после работы отправится на дачу к Игорю. Пусть сегодня Лев Иванович пока обживется на новом месте.

Филатова сильно озадачилась новой целью. Начала строить планы. Она придумала, как в течение дня будет провоцировать инженера различными ситуациями. Вызывать в нем мужской интерес. Этакая игра. Очередная жертва ее женской силы. В принципе, Ниночка пришла к выводу, это даже будет интересно. Мальцев и Калинин вообще перестали ее вдохновлять. А с Вадимом играть – себе дороже.

Но на следующий день Лев Иванович на заводе не появился. Его ждали все утро. Потом начали нервничать. А буквально через несколько часов стало известно, пропали чертежи, которыми занимался сам Маслов. Основная часть их секретной разработки. Ниночка сначала даже не поверила услышанному. Что за ерунда? Честно говоря, мелькнула мысль, не мог ли Вадим воспользоваться кем-то еще. Но тут же эта мысль пропала. Не мог. Никем просто. Да и не бывает таких совпадений. Ладно, если пропал бы кто-нибудь один. Или Маслов, или чертежи. Тогда еще можно допустить участие третьего лица. Но в тех обстоятельствах, которые есть, Вадим точно ни при чем.

– Я пойду к Калинин и все ему расскажу, – Психовал Ведерников. Он метался между елочек, где обычно сотрудники отдела устраивали перекур.

– Прекрати истерику. С ума сошел? Это все пахнет диверсией, причем с участием самого Маслова. Каким бы высококлассным специалистом он не был, такую выходку ему вряд ли простят. Хочешь оказаться замешан в подобном деле? Хочешь спустить в унитаз свою карьеру? Нельзя говорить Калинин ничего. По крайней мере, пока. Никто ведь не в курсе, что Маслов отправился к тебе на дачу?

– Ты что?! – Ведерников даже прекратил бегать кругами и остановился на месте, глядя на Нину Ивановну с осуждением. Мол, как она могла заподозрить его в идиотизме. – Конечно, нет. Только ты.

На самом деле Ниночка вообще не переживала. Она думала так. Скорее всего, Маслов, от расстройства выпил лишнего. Опять же, факт известный, инженер вообще не употребляет алкоголь. Но как правило, именно такие, самые приличные, самые порядочные, когда происходят подобные ситуации, пускаются во все тяжкие. Нина Ивановна искренне считала, что о мужчинах она знает все. Диссертацию может писать на эту тему. А соответственно, не способна ошибаться в предположениях.

Больше всего, на самом деле, ее волновало совсем другое. Если сейчас Ведерников расскажет Калинин, где находится Маслов, то Ниночка лишится возможности осуществить задуманное и прибрать Льва Ивановича к своим рукам. Особист сразу же помчится на дачу, тряхнёт инженера за шиворот и притащит его обратно. Не только на завод, но и в семью. А Ниночке потом опять придется ломать голову, как вытащить Маркову эти чертовы сведения по разработке. Она полночи убила на то, чтоб придумать отличный план, а теперь из-за паники Ведерникова может все рухнуть. Ну, уж нет. Дружба дружбой, а выгоду тоже никто не отменял.

Поэтому Нина Ивановна битый час уговаривала Игоря взять себя в руки. В итоге, тот успокоился. Они решили, скорее всего, уже завтра инженер появится на заводе. По крайней мере, эту мысль Филатова крепко-накрепко вбила в голову другу.

После работы она, как и планировала, собралась отправиться на дачу. Где находится домик Ниночка, конечно, знала. Бывала не один раз. Однако, судьба явно решила усложнить задачу. Филатова заскочила домой, чтоб переодеться и привести себя в надлежащий вид. Не успела она выбраться из душа, как в дверь позвонили.

Ниночка выругалась себе под нос, завернулась в полотенце и пошла встречать нежданного гостя. Им оказался пьяный Калинин. Причем, он был настолько невменяем, что Нина Ивановна никак не могла выпроводить его из дома. Вообще никак. Тот жаловался на жизнь, плакал, говорил, что все сволочи, а Маслов – в первую очередь. Неужели нельзя было устраивать такие выкрутасы до того, как Владимир Александрович стал начальником первого отдела. Это же форменное свинство со стороны инженера. А с виду, такой приличный человек.

В общем, промаялась с пьяным Калинин Ниночка до полуночи. Главное, и выгнать его не выгонишь. Все-таки Владимир Александрович – человек нужный, полезный. Особенно после своего повышения. И улечься спать он никак не хотел. Нина Ивановна даже такое развитие событий допускала. Хотела утолкать его в спальню с самого начала. Был шанс успеть на последнюю электричку. Но... не сложилось. Заснула Филатова под утро, злая, как тысяча взбешенных собак. Храпящий рядом Калинин раздражал неимоверно. Из-за него придётся снова отложить встречу с Масловым.

На следующий день, в панике были уже все, не только Ведерников.

К общей истерике подключился, в том числе, Калинин, который с похмелья хотел одного, лечь и умереть. Он узнал, что из Москвы прибыл проверяющий. Причем, прибыл прямо в ночь. То есть, утром его нужно забрать из гостиницы и привезти на завод. Владимир Александрович, конечно, начальству в Москву сразу отчитался, как только стало понятно, сложилась чрезвычайная ситуация, но скорость, с которой оно, это начальство, среагировало, мгновенно пригласив Беляева, немного нервировала. Даже пугала. Как и факт, что самому Калинин сообщили об этом только утром. Похоже, не доверяют.

Естественно, ещё сильнее психовал Ведерников, который только вчера, после долгого разговора с Ниночкой, свято верил, Маслов одумается и приедет на работу. Однако Маслов не приехал и, очевидно, не одумался. Игоря буквально подтрясывало.

– Я тебя прошу, перестань. Прекрати истерику. – Снова успокаивала друга Филатова. – Я слышала, сегодня на заводе будет этот Беляев из Москвы...

Естественно, Нина Ивановна не уточнила, от кого именно она это слышала, а Игорь не спросил. Он уже привык, что Филатова всегда в курсе всех событий.

– Вот видишь! – Ведерников выдернул изо рта Ниночки сигарету и глубоко затянулся. Это при том, что Игорь вообще не курил никогда. – Уже сегодня здесь будет Беляев. Я тоже слышал о нем, но раньше. Говорят, сердитый тип.

– А я слышала, что он вполне нормальный. Даже наоборот, глуповат. – Ниночка, кстати, не соврала. Сама она с этим особистом из Москвы не встречалась еще ни разу, но Калинин отзывался о нем, как о человеке не очень сообразительном. Именно на это Владимир Александрович и рассчитывал. Надеялся, глупость Беляева позволит сохранить место начальника первого отдела.

В итоге, Ниночка опять смогла успокоить Игоря. Пообещала ему, прямо вечером, не заходя домой, они вдвоем отправятся на дачу и выяснят, что это такое творит Маслов. Филатова уже смирилась с тем, что шанс взять инженера в оборот, уплывает все дальше.

Но появился Максим Сергеевич...

Пришел к ним в отдел вместе с бледным Мальцевым и зеленоватого цвета Калинин. Нина Ивановна поняла, ее жизнь разделилась на «до» и «после». Не сразу, конечно поняла. Сначала она вела себя привычно вызывающе. К тому же рассчитывала таким образом еще больше успокоить Игоря. Мол, смотри, видишь, что могу, и ничего мне за это не будет. О, как она ошибалась...

Прежде Нина Ивановна искренне считала любовью всей своей жизни Маркова. Потом, правда, чувства уступили место некоему страху, но все равно Вадим был вне конкуренции. Она боялась его и продолжала любить. Однако, теперь Ниночка осознала всю глубину своего заблуждения.

Таких мужчин, как Максим Сергеевич, Филатова прежде не встречала. В нем чувствовалась сила, напор, какая-то бесшабашность, граничащая с дерзостью. Но в то же время, крепкая мужская рука. Хозяйская. А самое главное, он вообще не реагировал на все потуги Филатовой понравиться ему. Сначала это было больше по привычке. Все-таки холостой мужчина из столицы, при должности. Как пройти мимо такого лакомого кусочка? Но потом добиться Максима Сергеевича стало делом принципа. Нина Ивановна поняла, она хочет этого мужчину. Всего. Целиком. Он должен принадлежать только ей. А она – ему. Потому что с ним Ниночка сможет, наконец, выдохнуть, остановится и начать жить, как обычная, влюбленная женщина. Даже детей рожать и готовить борщ.

Нина Ивановна совершенно серьезно была готова бросить все и посвятить свою жизнь Максиму. Именно так она называла его мысленно. Максим. Ее Максим... Ниночку не смутила даже та кукла. Актриса. Вернее, смутила, конечно, но лишь тем, что ее существование усложнило задачу. Однако и цель стала более желанной.

Но, к сожалению, судьба снова перевернула все с ног на голову. Для начала, когда вечером того же дня Ниночка и Ведерников приехали на дачу, их ждал сюрприз. И это вовсе не был приятный подарочек. Наоборот. Это было, по-простому выражаясь, полное дерьмо.

Лев Иванович действительно сидел в дачном домике Игоря. Он никуда не делся. Да и не мог деться при всем желании. Потому что Лев Иванович совершенно бессовестно был мертв.

– Твою мать... – Всхлипнул Ведерников, когда они вошли в дом. Вернее, Игорь как раз, был первым. Соответственно, труп инженера он тоже увидел первым.

Маслов сидел за кухонным столом, откинувшись на спинку стула. В груди инженера торчала ручка ножа.

Вокруг было чисто. Совершенно. Ни единого следа борьбы или драки. Просто идеальный порядок. Такое чувство, будто Лев Иванович сам себе воткнул этот нож, а потом взял и уселся спокойно за стол. Действительно, а с виду такой приличный человек...

Перед Масловым лежали те самые чертежи, которые волновали всех гораздо сильнее, чем судьба пропавшего инженера. Потому как инженеров, пусть и не таких талантливых, что собак нерезанных, а секретные сведения на то и секретные, они существуют в одном экземпляре.

– Сволочь... – Выдал Ведерников. Непонятно, к кому относилось это определение. Скорее всего, к жизни в целом. Потом Игорь сел на пол и разрыдался.

Ниночка поняла, снова все надо брать в свои руки. От мужчин, как обычно, толку никакого. Но Филатова не знала в тот момент, что ситуация может стать еще хуже. Предположить даже не могла. А она стала.

Глава 6. В которой мы с Лиличкой играем в игру

– Милый, вот это сюрприз!

Лиличка заметила меня сразу, как только я вошел в зал. Просто орлиный взор у моей «любимой». Позавидуешь.

На самом деле, в момент, когда начал спускаться по ступеням, ведущим к сцене, она стояла со скучающим видом в толпе коллег. Видимо, предстоящая пьеса была ей так же интересна, как собаке перспектива получить пятую ногу. Актрису больше прикалывает движуха и внимание, чем любовь к профессии.

Естественно, на появление постороннего человека отреагировали все, в том числе и Лиличка. Головы актеров одновременно повернулись в мою сторону.

– Максим! Любимый!

Я непроизвольно поморщился. Зачем так орать? Она думает, у меня проблемы со слухом?

Блондинка, что ожидаемо, разыграла целый спектакль. Пенелопа, которая дождалась Одиссея, не меньше. И конечно же, спектакль специально предназначался коллегам. Мол, смотрите, какая трогательная и романтическая история любви. Коллеги смотрели. Мужчины с кислыми физиономиями, женщины с завистью во взглядах. Лиличка была довольна произведенным эффектом. В принципе, я понимаю, почему мои хозяева завербовали блондинку. Глядя на нее, никто никогда не подумает, что этой женщине можно доверить серьезное дело. Исключительно подходящий для шпионской роли персонаж.

Сначала в ее прекрасных глазах появилось удивление, потом – восторг и вселенское счастье. Будто мы не виделись сто лет. Но главное, она настолько показушно это сделала, что бедный Станиславский перевернулся в гробу, наверное. Хотелось крикнуть не то самое «не верю», а более подходящее ситуации «да ну на хрен»

Лиличка спустилась со сцены... хотя, нет. Не спустилась. Сбежала. Красиво, театрально, раскинув руки в стороны. Она буквально летела мне навстречу.

– Ты ведь должен быть на работе! Неужели ради меня бросил все? Ты – такой важный человек. Серьезный человек. Но ради встречи со мной пошел на эту удивительную жертву. Максим! – Выкрикнула она на бегу.

– Сам в шоке. – Пробормотал я себе под нос, искренне желая блондинке споткнуться на ходу и убиться к чёртовой матери. Бесит она меня ужасно. Но сейчас без помощи актрисы не обойтись. К сожалению...

Лиличка повисла у меня на шее, при этом не забывая периодически подглядывать в сторону коллег, которые толпились на сцене. Они смотрели на нас с интересом. Особенно женщины. Некоторые, так понимаю, меня уже знали в лицо.

– Ну, что ты, милая, какая работа, если по тебе соскучился. Идём, посекретничать нужно.

– Посекретничать? О чем? – Лиличка моментально напряглась.

Внешне это не особо было заметно, но я почувствовал реакцию на мои слова по ее телу. Оно просто в этот момент практически слилось с моим. Сложно не почувствовать в такой ситуации.

– О любви, милая. О нашей большой и чистой любви.

Я подхватил актрису под локоток и потащил ее в дальний угол зала. Она не сопротивлялась открыто, конечно, это было бы совсем странно, но от моего напора немного оторопела. Поэтому начала причитать о необходимости вернуться к репетиции. О том, как все это неуместно и неудобно. Люди смотрят, все дела. Я чуть не заржал в голос. Конечно, смотрят, сама же устроила перед ними свой личный спектакль.

– Ничего страшного, продолжат без тебя. Я слишком сильно скучал. – Решил, хрен там. Надо поговорить, значит, мы поговорим.

– О чем посеCRETничать Максим? – Шипела блондинка, пока я продолжал тянуть ее подальше от сцены.

– Так! Товарищи! Не отвлекаемся. Попрошу всех вернуться к тексту!

Мужик, в странного цвета рубашке и платке, повязанном на шею, который сидел на первом ряду, вскочил, наконец, с кресла и теперь метался перед остальными актерами, требуя внимания. Сначала он, наверное, ожидал, что ситуация рассосется сама собой, а сейчас понял, нет, не рассосется. Нужно брать все в свои руки.

Куда там! Членам трупы гораздо интереснее было выяснить, что же такое происходит у блондинки.

– Иди сюда. Срочный разговор. – Я вообще наплевал на приличия и свидетелей. Ничего страшного. Переживут. Пусть думают, что у нас такая нереальная страсть.

Когда оказались возле самого последнего ряда, подпихнул Лиличку к зрительским местам.

– Присядь, милая. Обсудим кое-что.

Актриса перестала упираться. Наверное, решила, одно дело, если главную роль играет она, и совсем другое, когда приходится подчиняться обстоятельствам. Прошла почти до середины ряда и уселась в кресло, красиво, бочком, поставив ноги. Руки сложила на коленях. Я пристроился рядом.

– Так... Говорим по делу и быстро. У меня проблема. Большая. Споткнулся, упал, ударился головой. Вот так, если вкратце. Теперь – провалы в памяти. Половину всего не помню. По роковому стечению обстоятельств, самую важную половину. Чтоб ты понимала сложность обстоятельств, тебя не помню в том числе. Это случилось вечером. Несколько дней назад. После того, как приходил к тебе в театр с цветами, а ты меня выпроводила. В день приезда. Так что, ситуация серьезная. Откладывать ее или скрывать больше не могу. Нужна твоя помощь.

Я замолчал и уставился на блондинку. Лиличка тоже смотрела на меня, но с выражением лица, которое можно определить, как недоверие, сомнение, ирония. Причем эти три характеристики сменяли друг друга очень быстро. Блондинка пыталась сложить одно к другому и у нее не складывалось. Она явно считала, я вру.

– Почему не сказал сразу? Почему столько дней молчал? Если это, конечно, правда. То, что ты сейчас сообщил.

Естественно, ждал именно такого вопроса от нее. Готовился к нему. Потому что любой на месте Лилички спросил бы то же самое. И я, кстати, в том числе.

Вообще, единственный вариант, родившийся в голове – это история про несчастный случай. Нелепая, да. Но других не имелось. В принципе, не так уж далеко от правды. Несчастный случай на самом деле имел место быть, только выглядел он иначе и последствия имел совсем другие. Но знать об этом Лиличке нельзя. А никак по-другому жизненно необходимые вопросы не задать. Жизненно необходимые, естественно, для меня. Хотя... Уже не в чем не уверен. Поэтому пришел к выводу, иногда можно извлечь пользу даже из тупой истории. Умных историй нет. С самого начала как-то не задалось с умными историями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.